

П.А. Мистрюгов*

**ПРАКТИКА ЗАЛОЖНИЧЕСТВА В САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ
В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1919 – 1920 гг.)**

1918 г. после свержения власти КОМУЧа политические приоритеты советской власти радикально изменились. Революционно-демократические поиски общества были свернуты. На первый план выдвигалась, ставшая доминирующей в 1919 – 1920 гг., задача по обеспечению собственного социально-политического существования и функционирования административно-управленческого аппарата советов и РКП(б). При этом необходимо отметить, что в деятельности советско-партийных структур преобладали хозяйственно-продовольственное и социальное направления. Это придавало взаимодействию власти и общества напряжённый характер, резко поляризуя их позиции. Различные общественные группы оказывали противодействие коммунистическим преобразованиям, в особенности таким как продразверстка, проведение бесчисленных военных и хозяйственных мобилизаций. Местные руководители, следуя конфронтационному курсу политики советской власти, стали опираться на систему чрезвычайных органов. В связи с этим отметим, что в настоящее время становится актуальным и остро дискуссионным целый спектр вопросов становления российской государственности нового типа после 1917 г. Это рабоче-крестьянский демократический потенциал Советов; соотношение революционно-демократических, военных и гражданских задач в управлении и их влияние на деятельность советов и исполкомов; степень эффективности управления и господствующие политические приоритеты; способы и методы функционирования советских органов власти и управления – и все эти проблемы тесно связаны с реализацией чрезвычайного курса в политике советской власти и РКП(б).

Тема чрезвычайных структур советской власти в годы Гражданской войны затрагивалась в исторических трудах С.В. Леонова, Д.Б. Павлова, Н.Н. Кабытовой и ряда других исследователей. Они придавали большое значение месту и роли чрезвычайных органов, отмечая, что структура и методы их деятельности постоянно возрастали на протяжении всего периода Гражданской войны¹. В течении 1918 – 1922 гг. была сформирована многоступенчатая система чрезвычайных структур, обеспечивавших существование советской власти и проведение её политики. Однако до настоящего времени в этой теме по-прежнему имеются малоисследованные страницы.

* © Мистрюгов П.А. – аспирант кафедры Российской истории Самарского государственного университета, 2013

** Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.В37.21.0004 «Обретение родины»: Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX в.)».

Одной из них является практика заложничества в Самарской губернии в годы Гражданской войны, практически не изученная.

В истории становления советской государственности и Гражданской войны в Поволжье представляется важным рассмотреть на основе документальных материалов местных архивов специфику социальных направлений, мотивации заложничества и использовавшихся мер воздействия.

Практика заложничества в годы Гражданской войны подразделяется на несколько направлений: политическое, военное и социальное. Проанализируем каждое из них более подробно.

Как известно, в мае 1918 г. произошёл анархо-максималистский мятеж, подавленный большевиками с помощью военной силы. Последовавшее свержение советской власти в июне 1918 г. лишь временно отстранило окончательную ликвидацию анархистов, но не надолго. В начале 1919 г. советские руководители вспомнили о существовании участников выступления, однако «делу законный ход» не дали. Начало судебных преследований было отложено, как отмечал губком РКП(б), по тактическим соображениям². Этому, по собственному признанию советских руководителей губернии, мешало то, что многие из участников – «главарей» (Дорогойченко, Павлов) занимали ответственные должности в органах власти³. Однако, вскоре были выявлены случаи погромной агитации анархистов⁴, а также ГубЧК получены оперативные сведения о подготовке ими восстания в союзе с максималистами. Заместитель председателя Самарского губисполкома Галактионов докладывал во ВЦИК о потере уверенности в их лояльности⁵. Итогом взаимоотношений стало решение, принятое на заседании ВРК Самарской губернии 21 марта 1919 г. Согласно нему, ГубЧК было дано указание арестовать анархистов за исключением Рогдаева как заложников, а клуб закрыть для предотвращения «дезорганизаторской агитации»⁶.

Весной 1919 г. военная обстановка в Самарской губернии для безопасности советской власти приобрела опасный характер. Угроза исходила от войск Колчака, 10 апреля захватившего Бугульму⁷. Одним из оборонительно-превентивных мероприятий стало решение, принятое 12 апреля 1919 г. президиумом Самарского губисполкома в составе Сокольского, Левитина и Старцева. Уездным исполкомам предписывалось активно действующих противников советской власти расстреливать, а в заложники брать только видных руководителей⁸. Таким образом, советы использовали все оперативные возможности для ослабления мощи противника.

Однако постоянной угрозой для советско-партийных властей была не столько военная опасность и политические конкуренты, сколько многочисленное крестьянское повстанческое движение. В отстаивании различных интересов советская власть и РКП(б) и крестьянство проявили самые радикальные и жёсткие методы. Первые признаки продовольственного кризиса, ставшего спусковой педалью массового повстанческого движения, наметились уже в конце 1917 – начале 1918 гг. После серии восстаний, вспыхнувших в марте 1919 г., и их жёсткого подавления, советские власти были мобилизованы на разработку превентивных мер для предупреждения «кон-

трреволюции» в уездах. В мае 1919 г. коллегия Самарского губернского отдела юстиции подготовила целый блок методов по блокированию действий повстанцев. Все предложенные ими мероприятия не были утверждены, однако само обсуждение их на губернском уровне отражает склонность советов к социальному радикализму и конфронтации. Одобренные предложения из «программы заложничества» включали конфискацию имущества и передачу детей, арестованных родителей, в социальный отдел исполкомов «на общих основаниях». Захват взрослых членов семей в заложники, после которого их участь должна была определяться выяснением степени виновности и приданием суду революционного трибунала, был отклонён. Коллегия мотивировала это тем, что каждый член семьи часто действует без согласия с другими и несёт персональную ответственность, а также эта мера обременительна для советской власти⁹. Однако развитие крестьянского движения в Самарской губернии показывает, что одной из многочисленных мер подавления восстаний было заложничество. Например, в июне 1921 г. на закрытом заседании президиума Самарского губисполкома рассматривалось положение в Балаковском уезде. Предлагалось при наступлении на город «банд» обложить заложников налогом для покрытия чрезвычайных налогов¹⁰.

Жёсткие методы советской власти вызывали аналогичные действия со стороны крестьян, приводя к «народной войне». Так, в марте 1921 г. в Чернореченской волости Самарского уезда 1, 500 тысячная толпа, взломав амбары, начала расхищение государственного хлеба. Власти отмечали, что сдержат натиск было невозможно¹¹. Крестьяне захватили в заложники председателя и членов волостного революционного комитета. При этом, в их поведении ярко проявилась общинно-коллективистская установка: «если арестовывать, так арестовывать всех виновных»¹².

Особой группой пленников советской власти в 1920 г. были воронежские заложники. Эта группа в составе 45 граждан временно пребывала на территории Самары, по ведомственной принадлежности относилась к воронежской ГубЧК. В Самаре она контролировалась органами местной ГубЧК. Выявив род занятий и образование арестованных, советская власть воспользовалась их профессиональными компетенциями, отправив на работу в советские учреждения. 24 января 1920 г. на заседании комиссии в составе представителей губернского комиссариата юстиции и работников ГубЧК граждане были распределены между советскими учреждениями. Среди них по профессиональной принадлежности были: 1 – счетовод, 2 – юристов, 1 – бухгалтер, 2 – фельдшер, 1 – дезинфектор, 1 – химик, 1 – техник. Профессии остальных не были указаны. Из 45 граждан – 10 находилось на излечении, 6 умерло. Из дееспособных граждан 15 были направлены в Потребительское общество на принудительные работы; 4 в Губсовнархоз; 3 в Дом принудительных работ; 2 в Губернский комиссариат юстиции; 2 в Отдел здравоохранения; 2 в Губернский отдел управления; 1 в Гублеском и 1 в Рупвод¹³. В феврале 1920 г. один из заложников был откомандирован в распоряжение СанЧК¹⁴. Это распределение показывает, что одна половина

воронежских заложников была занята квалифицированной работой в гражданских учреждениях на принудительных основах, труд второй половины граждан применялся условно на добровольных основаниях.

Вскоре, в марте 1920 г. заложники стали ходатайствовать о возвращении в Воронеж¹⁵. 17 апреля 1920 г. по решению президиума Самарского губисполкома и с согласия воронежской ГубЧК до восстановления пассажирского движения они были оставлены в Самаре и получили право персонального разрешения на выезд из Самарской губернии¹⁶.

На основе документальных материалов установлен поимённый список воронежских заложников (см. таблицу Поимённый список воронежских заложников 1920 г.).

Итак, в арсенале чрезвычайных методов советской власти в 1919 – 1920 г. заложничество было предупредительной мерой против антисоветской деятельности. Его сфера применения была широкой и распространялась на основные оппозиционные, противоборствующие советской власти силы. В числе мер воздействия было использование трудовых ресурсов заложников, направляемых на квалифицированные работы. Это, в свою очередь, отражает дефицит грамотных и образованных кадров в советских структурах и стремление его преодолеть. Впоследствии, в 20 – 50 гг. XX в. эта политика применения принудительного труда оформилась в самостоятельное направление деятельности власти, став системным явлением функционирования экономики СССР. Однако первые шаги были сделаны в годы Гражданской войны, в том числе, на территории Самарской губернии.

Таблица

Поимённый список воронежских заложников 1920 г.¹⁷

Ф.И.О. заложников	
Мюрке-Полубенская Елена Ивановна	Полубенский Василий Васильевич
Голованов Сергей Николаевич	Семченков Василий Петрович
Цигулев Лев Михайлович	Чемырев Петр Ермолаевич
Новичихин Григорий Васильевич	Савин Михаил Иванович
Аристов Николай Николаевич	Лютых Афанасий Иванович
Лазовский Станислав Леонтьевич	Груздев Владимир Николаевич
Федоров Александр Филоретович	Попов Алексей Михайлович
Шишулин Григорий Михайлович	Фурсов Василий Яковлевич
Гуров Иван Ефимович	Макарова Александра Никитична
Алехин Петр Васильевич	Лисицин Семен Егорович
Талинский Сергей Константин	Непышевский Сергей Андреевич
Коломейцев Иван Федорович	Шпаковский Ананий Исаевич
Неумивакин Петр Алексеевич	Михеев Николай Николаевич
Селезнев Иван Лукьянович	Станков Митрофан Петрович
Петров Василий Степанов	Анесов Сергей Ардальенович
Батищев Илья Евгеньевич	Давыдов Николай Адальфович
Жук Иван Игнатъевич	Игнатов Николай Петрович
Поспелов Алексей Андреевич	Преклонский Николай Васильевич
Петров Федор Николаевич	Рулин Александр Васильевич
Ягодкин Виктор Иванович	Истомин Павел Николаевич
Кангерт Владимир Иванович	Кожин Николай Николаевич
Комарев Дмитрий Фомич	Фурсин Алексей Иванович
Филиппов Митрофан Дмитриевич	

Примечания

¹ Леонов С. В. Рождение советской империи: государство и идеология 1917-1922 гг. М.: Диалог-МГУ, 1997; Павлов Д. Б. Большевистская диктатура против социалистов и анархистов. 1917- середина 1950-х годов. М.: РОССПЭН, 1999; Кабытова Н.Н. Восстановление структур советской власти в Самаре // Самарский земский сборник. 2007. № 1(15) и др.

² Самарский областной государственный архив социально-политической истории (далее – СОГАСПИ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 58. Л. 89.

³ СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 58. Л. 90 – 90 об.

⁴ Центральный государственный архив Самарской области (далее – ЦГАСО). Ф. Р. – 138. Оп. 1. Д. 5. Л. 16 об.

⁵ ЦГАСО. Ф. Р. – 81. Оп. 1. Д. 194 б. Ч. 3. Л. 49б.

⁶ ЦГАСО. Ф. Р. – 138. Оп. 1. Д. 5. Л. 17.

⁷ Попов Ф.Г. 1919 год в Самарской губернии. Хроника событий. Куйбышев: Книжное изд-во, 1974. С. 70.

⁸ ЦГАСО. Ф. Р. – 81. Оп. 1. Д. 10. Л. 75.

⁹ ЦГАСО. Ф. Р. – 81. Оп. 1. Д. 234. Л. 63 об.

¹⁰ ЦГАСО. Ф. Р. – 81. Оп. 1. Д. 106. Л. 78.

¹¹ ЦГАСО. Ф. Р. – 9. Оп. 1. Д. 1. Л. 24 – 24 об.

¹² ЦГАСО. Ф. Р. – 9. Оп. 1. Д. 1. Л. 25.

¹³ ЦГАСО. Ф. Р. – 81. Оп. 1. Д. 355. Л. 4 – 4 об.

¹⁴ ЦГАСО. Ф. Р. – 81. Оп. 1. Д. 16. Л. 58 об.

¹⁵ ЦГАСО. Ф. Р. – 81. Оп. 1. Д. 16. Л. 88.

¹⁶ ЦГАСО. Ф. Р. – 81. Оп. 1. Д. 16. Л. 125.

¹⁷ ЦГАСО. Ф. Р. – 81. Оп. 1. Д. 355. Л. 4 – 4 об.